

Моим друзьям.

*Клянусь, что персонажи данной книги
не имеют к вам никакого отношения.*

Нет ничего хуже, когда знаешь чужую тайну и не можешь помочь.

А. П. Чехов «Дядя Ваня»

Глава 1

Кэсси

14 августа, воскресенье, 02:30

Уоппинг

Я собираюсь рассказать вам о летнем вечере незадолго до окончания моей дружбы с Анной, Бо и Дексом.

В тот день мне исполнялось тридцать два года, и до этого мы были неразлучны. Наша дружба, казалось, из тех, что длится всю жизнь. Позже, когда все начало разваливаться, я осознала, что наша связь изначально имела зачатки гнили и разрушения, а наше времяпровождение было каким угодно, только не нормальным. В глубине души я это, наверное, понимала, но смогла осознать лишь после происшествия, приключившегося той августовской ночью. Почему я так долго не признавалась себе в этом? От одиночества? Или просто не могла смириться с мыслью, что дружба не вечна? От страха? Возможно, когда-нибудь я это пойму. А может, поймете вы, когда я опишу вам то время и место. И когда я закончу свой рассказ, когда все будет объяснено и все тайны раскрыты, я спрошу вас: что сделали бы вы? Потому что я очень хочу знать ответ.

Что сделали бы вы?

Итак, представьте: раннее воскресное утро, восточный Лондон, район Уоппинг, музыкальный фестиваль. Большинство посетителей уже ушли, и организаторы собираются: работники проверяют передвижные туалеты и сгребают мусор в свете прожекторов. Анна, Бо, Декс и я лежим на траве рядом с главной сценой и глазеем на мраморный шар суперлуния. Мы слишком много пили

и танцевали в этот поздний час нашей юности. Мы молчим, но нам и не нужны слова. Много ли еще пасмурных рассветов мы встретим вместе? Сколько нам еще осталось танцевать? И много ли времени пройдет, прежде чем подобные ночи навсегда останутся в прошлом?

— Может, махнем в клуб? Или к тебе, Декс? Ты живешь ближе всех, — наконец предлагает Бо.

Декс говорит, что сегодня вернулся Гэв, который не выносит шума.

Мы садимся и отряхиваем одежду от того, что налипло на нее за ночь. Я замечаю идущего к нам охранника и предлагаю:

— Давайте поедем к Бо. До тебя, кажется, минут десять на такси?

Заметив охранника, Анна вскакивает и потирает озябшие до мурашек руки.

— У меня дома буквально ноль алкоголя, — заявляет Бо. — К тому же уборщицы не было неделю, так что там гора коробок из-под пиццы.

— А не лучше ли разехаться по домам? — поглядывая на охранника, произносит Анна.

Именно так нам и следовало поступить.

Домой. Долгая поездка в темном метро до Тоттнема — и я в стремной квартирке, которую со мной делят еще четверо почти незнакомых мне людей. Покоробленный пол, заплесневелый сыр в холодильнике и тюбики зубной пасты, выложенные в ряд на побелевшей от известкового налета ванной полке.

— Может, напоследок еще по пиву в честь моего дня рождения?

Потому что это мой день рождения. Уже почти тепло, и полная луна сияет неземным светом, и если мы пройдем чуть дальше на юг, перед нами предстанет Темза и чудо, называемое «Лондон». Может, я забуду о том, что сделала, хотя бы до завтра.

Подошедший охранник просит нас уйти, и мы идем к выходу.

— А разве бары еще не закрыты? — спрашивает Анна.

Ей хочется домой, к красавцу мужу и очаровательному ребенку, к идеальному дому и ослепительной жизни. Но сегодня мой день рождения и почти тепло, и если Анна уйдет, то Бо и Декс, скорее всего, тоже уедут, и я останусь одна.

— Здесь недалеко магазин. Я плачу, — предлагаю я.

— Ладно, еще по одной, — поколебавшись, соглашается Анна.

Я не раз потом проигрывала в уме этот миг, слыша будто со стороны отчаянный тон моего предложения, вызванный горячим желанием унять тупые уколы совести. Тогда я этого не поняла. Тогда я многого не знала. А теперь уже поздно.

Мы разделились: Анна пойдет со мной, а парни пойдут нас на набережной у уоппингской Старой лестницы, куда выводит узкий переулок между домами. Будем потягивать пивко с видом на Темзу.

В магазине я стараюсь, чтобы ни Анна, ни кассирша не заметили содержимого моей сумки.

И вот мы на улице, я несу упаковку с четырьмя банками пива, однако в условленном месте ни Бо, ни Декса нет. Наверное, решили пройтись вдоль реки. Не дозвавшись никого из парней, мы с Анной идем их искать.

Черные волны плещутся о кирпичную кладку набережной, но ни Бо, ни Декса у реки нет.

— Где их носит? — ворчит Анна, взглядываясь в утренний полумрак.

— Наверняка они скоро придут, — говорю я, глядя на тонущую в желтом облаке луну.

— Жутковато здесь.

— Мы договорились встретиться на этом месте, так что...

Мы шлем эсэмэски. Мы звоним. Не дождавшись ответа, садимся на ступеньки у воды, пьем пиво и делимся впечатлениями. Мы старательно притворяемся, что ничуть не обеспокоены. Никто из нас не хочет поднимать тревогу. В конце концов, мы всю ночь терялись и находились: то не было сети, то садились или были неправильно поставлены аккумуляторы в телефонах, то кто-нибудь путал место встречи...

Я говорю Анне, что парни, наверное, отошли помочиться. А может, встретили приятеля — у Бо их полно, а Декс идет у него на поводу. Но в глубине души мне все равно спокойно.

Холодает, и рыжие волосы на руках Анны встают по стойке «смирно».

— Расходимся? — спрашивает она со слабой улыбкой.

— Тебе так хочется домой? — Я обнимаю ее за плечи.

— Не особо, но парни куда-то запропастились... ну и муж, ребенок...

Встав и отряхнувшись, мы идем к переулку, ведущему на Хай-стрит. Вдруг раздаются визги и топот. Анна напрягается. Из-за угла появляется толпа человек в десять и с враждебным видом движется в нашу сторону. Некоторые идут боком, то и дело оборачиваясь, у каждого в руках бутылка, палка либо обломок трубы. В свете фонаря блеснул нож. Нам грозит оказаться в толпе пьяных и злых мужчин и женщин. Замелькали синие отблески полицейских машин.

— Идем отсюда, — шипит Анна, хватая меня за плечо.

Говорят, судьба человека всецело зависит от времени. Одна секунда способна круто изменить жизнь. Могут сбыться самые невероятные мечты, или же появятся вопросы, на которые не будет ответов. Что, если бы чуть раньше этим вечером я поступила иначе? Если бы не подкупала друзей пивом в попытке самооправдаться, будто я не такая уж и плохая, а вместо этого поеха-

ла бы домой, как предлагали другие? Изменило бы это что-нибудь?

— Идем. — Я беру Анну за руку, и мы протискиваемся сквозь толчею к северной части улицы. На полпути нас разделяет поток спешащих к метро людей. Анна тянется ко мне, однако ее относит в сторону. Я пытаюсь идти за ней, но безуспешно. Толпа оттирает меня к обочине. Анна успевает жестом показать, чтобы я ей позвонила, и пропадает из виду. Я остаюсь одна, зажатая между кучкой пьяных людей и слишком высокой для меня стеной, через которую мне не перелезть.

Наконец в толпе появляется просвет, и я устремляюсь туда, подныривая под руки и бочком пробираясь между спинами и животами. Некоторое время спустя я оказываюсь во дворе церкви Святого Иоанна. Кружится голова, ноют ушибы, а правая рука до боли вцепилась в сумочку. Оглядевшись, я подсвечиваю телефоном содержимое сумочки и мысленно заключаю сделку с Богом: «Дай мне выбраться отсюда, а я изо всех сил постараюсь в тебя поверить. И попробую исправить то, что сделала. Не прямо сейчас, но скоро. А пока я просто хочу домой».

Свет меркнет, и на экране появляется сообщение о низком уровне заряда батареи. Бог не слышит меня, и от остальных нет весточки. Разослав друзьям эсэмэски с вопросом «Ты где?», я решаю, что пора выбираться.

Осторожно обходя надгробия, давным-давно перенесенные сюда с мест их первоначальной установки, я натываюсь на узкую, вымошенную щербатым камнем дорожку между служебными строениями. С улицы доносятся шум, а здесь тихо, как в могиле. Где-то там сияет луна, но сюда ее свет почти не доходит.

Движение за спиной. Сердце замирает, и меня мутит от осознания, что я здесь не одна. Я не в силах ни обернуться, ни побежать. К горлу подкатывает ком, и я за-

мираю. Кто-то знает, что у меня в сумке? За этим они и пришли? Что делать: сражаться или отдать?

— Кэсси, это ты?

Анна!

Я поворачиваюсь к ней с невероятным облегчением.

— Хорошо, что ты меня нашла.

Мы обнимаемся, но пряжка сумки упирается мне в живот, и я отступаю. Хорошенький же у меня день рождения получился. Узнай кто-нибудь о моем поступке, он бы назвал все последовавшее за этим судьбой или кармой и сказал бы, что я еще легко отделалась. И был бы прав.

— Ты видела остальных? — спрашиваю я.

— Только Бо. Он и Декс застряли в толпе и не смогли подойти к лестнице, а потом их разделило. Совершенно не представляю, где сейчас Декс. Может, он прислал мне эсэмэску, но мой телефон сдох.

— Я от него тоже ничего не получила.

— Интересно, мы здесь выйдем? — Она тычет пальцем в темноту впереди.

— Надеюсь.

Мы входим в густую тень здания. Я иду впереди, Анна за мной. Переулок уже совсем рядом, но вдруг в тени что-то шевельнулось. Лиса? Кошка? Нет, это что-то большое. Гораздо, гораздо больше.

Мы замираем, Анна тяжело дышит мне в шею. Она это тоже почувствовала? Обернувшись, я вижу, как Анна идет к решетке у дальних строений.

— Анна?

— Слава богу, парни нас нашли! Вон они, смотри!

В полумраке видно, как от толпы отделяются двое и идут в нашу сторону.

— Это точно они?

— Да, я вижу по походке. Декс впереди, Бо за ним.

Перед ними проходит группа гуляк, и я теряю парней из виду. Сзади, из переулка, раздается крик. В неясном

свете фонаря парень и девушка. Она стоит на коленях, оперев руки в стену и склонив голову, словно пытается подняться. Я гляжу на Анну, но подруга смотрит в другую сторону. Она это видела? Я трогаю ее за плечо, и Анна поворачивается.

— Смотри, там, в переулке.

Удивление на лице Анны сменяется тревогой. Парень одной рукой держит девушку за талию, а другой вцепился ей в волосы. Девушка уже на ногах, склонила голову, словно ее вот-вот стошнит.

Мы с Анной встревоженно переглядываемся.

Любой акт насилия сеет вокруг себя хаос, силу, которую невозможно описать словами или ощутить привычным набором чувств, — этакое скопище темной материи. Животный инстинкт способен почуять его прежде, чем глаз, ухо, нос или кожа. Именно это мы с Анной сейчас и ощущаем. В переулке творится что-то страшное, и его темное дыхание летит к нам.

Одной рукой прижав девушку к стене, другой рукой парень шарит по ее телу. Девушка обмякла, словно тряпичная кукла. Он задирает ей юбку до талии, и девушка протестующе вскидывает руку. Она хватается за шарф на шее — на миг мелькают желтый и синий помпоны, — и парень заламывает ей руку за спину. Покачнувшись, девушка начинает падать, но парень дергает ее вверх за волосы. Ее крик звучит словно запись на старой пластинке, проигрываемой в наполовину замедленном темпе.

Внутри меня тоже что-то кричит. «Это не то, что мне кажется. Здесь что-то другое. Это не взаправду», — мысленно твержу я.

Выпустив волосы девушки, парень снова вжимает ее лицом в стену и принимается расстегивать свои штаны. Его колено упирается ей в талию. Девушка пытается оттолкнуть его, но ее движения хаотичны, словно у мане-